

УДК 82(091)

ОТ «СТЕНЬКИ» К «СТЕПАНУ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАГОЛОВОЧНО-ФИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В РОМАНЕ В.КАМЕНСКОГО «СТЕПАН РАЗИН»

С.Л.Константинова

Псковский государственный педагогический университет, konst71@mail.ru

Рассматриваются основные направления текстовых сдвигов, произошедших в романе В.Каменского «Степан Разин» по отношению к претексту, раннему роману писателя «Стенька Разин». Основное внимание направлено на сопоставление заголовочно-финальных комплексов романов, наиболее открыто выявляющих характер авторского замысла — создание текста, приближенного к историко-беллетристическим канонам.

Ключевые слова: роман, заголовочно-финальный комплекс, стилистическая правка, литературное пространство советской эпохи

The article focuses on the main trends of the textual shifts, occurring in the novel «Stepan Rasin» by V.Kamensky in respect of the fore text, the earlier novel «Sten'ka Rasin» of the author. The emphasis is laid on the comparison of the title and finale complexes of the novels, which most vividly reflect the author's design to create a text close to the historical and belletristic principles.

Keywords: novel, title and finale complex, styling, literature of the Soviet epoch

Известно, что роман Василия Каменского «Степан Разин», вышедший в 1928 г. с жанровым подзаголовком «привольный роман», является переработанной версией романа 1915 г. «Стенька Разин». С одной стороны, писатель создает своеобразную копию уже существующего текста. С другой, — обращают на себя внимание внешне формальные, но вместе с тем довольно существенные трансформации, произошедшие как на структурном, так и на содержательном уровнях.

Принципиальные изменения коснулись прежде всего заголовочно-финального комплекса романа. «Стенька Разин» стал «Степаном Разиным». Имя главного героя приобретает совершенно иную стилистическую окраску, трансформируясь из просторечного,

фольклорного «Стенька» (именно в таком варианте оно появляется в одном из источников замысла романа — стилизованном под народную песню стихотворении Д.Садовникова «Из-за острова на стрежень...») в полное и вполне официальное «Степан». При этом, как показывает анализ текстов, метаморфоза, произошедшая с именами, совсем не случайна. Тесно связанная с замыслом в первом случае создать образ народного героя — вольного гуслияра и песенника, во втором — исторического деятеля замена имен в заглавии выполняет функцию своеобразной перекодировки текста: роман о Стеньке и роман о Степане — два совершенно разных, со всех точек зрения, произведения.

Подобного рода перекодировка до сих пор игнорируется многими исследователями. В одном из

наиболее репрезентативных изданий произведений Каменского, репринтно воспроизводящем целый ряд текстов, в том числе и роман «Стенька Разин», в «Содержании» книги составителем указан роман, имеющий заголовок «Степан Разин» [1]. Вполне возможно, конечно, что подобного рода неточности обусловлены и как бы запрограммированы многочисленными авторскими «переназваниями» текстов, главным героем которых стал Разин. Их произвольность фиксируется рядом заголовков, появляющихся в том или ином виде в разных прижизненных изданиях произведений Каменского, в том числе его поэм. Например, в тифлисском издании 1927 г. в «Содержании» книги обозначена поэма «Степан Разин», а собственно текст озаглавлен «Стенька Разин». Здесь же опубликовано стихотворение «Сад апельсиновый», датированное 1912 г., с подзаголовком «Из Степана Разина» — при этом имеется в виду опубликованный к тому времени роман «Стенька Разин». В конце книги дан перечень уже изданных «книг и пьес» Каменского, где роман 1915 г. «Стенька Разин» репрезентирован опять-таки как «Степан Разин».

Заметим также, что «Стенька» трансформируется в «Степана» в заглавиях как романов, так и поэм и пьес Каменского лишь во второй половине 20-х годов. Все изданные до 1927 г. тексты имеют в заглавиях графопомеи «Стенька»: «Сердце Народное — Стенька Разин. Поэма» (1918), «Стенька Разин. Коллективное представление в 9-ти картинах» (1919), «Стенька Разин. Пьеса в 9-ти картинах» (1923). А вот значительно переработанная поэма «Сердце народное — Стенька Разин» выходит в 1929 г. уже под названием «Степан Разин».

Укажем и на трансформацию жанрового подзаголовка. Подзаголовок «привольный роман» дает дополнительную установку на восприятие, непосредственно увязывая жанровую специфику произведения с устойчивым мифом о вольнице, объединившей отставивших свою независимость беглых крепостных, что в свою очередь приобретает особую актуальность в контексте социальных установок времени.

Из переработанного текста романа Каменский убирает и предпосланное роману «Стенька Разин» посвящение. В книге 1915 г. оно появляется дважды. Первый раз — на обложке. Причем специфическое расположение посвящения именно здесь и именно таким образом — текст смещен вправо и набран курсивом — позволяет прочесть его двояко: и как посвящение, и как продолжение собственно заголовка: «Стенька Разин. Великому народу русскому — матёрый сын. Роман». Второй раз — по центру отдельной страницы, где выполняет функцию собственно посвящения и акцентирует не только обращенность к народной теме, но и принципиальный для Каменского-футуриста пафос индивидуального, авторского «Я» (явно неуместный в контексте новой установки на эпичность и объективно обусловленную историчность).

Кроме того, стоит обратить внимание и на укашавшие текст первого издания рисунки А.Лентулова, Д.Бурлюка, В.Бурлюка, Г.Золотухина, Н.Гушина, Н.Кульбина и самого В.Каменского. Рису-

нок Лентулова, изображающий плывущую ладью со стоящим в ней героем, предваряет собственно текст романа, один из рисунков Каменского завершает его (194). Этот финальный рисунок заслуживает особого внимания, поскольку выполнен в характерной для поэтов-футуристов технике — на грани между текстом словесным и текстом изобразительным. На рисунке-медальоне изображены два человека: один лежащий, другой — склонившийся над ним. Здесь же, в незаполненном пространстве вокруг фигур, вписан некий текст, слова которого связаны между собою весьма относительно: перевернутое «любил», «молодость», «поэт умер», «от нечаянно». В качестве своеобразной скрепы может быть воспринят лишь помещенный над словом «поэт» знак, выполненный в форме креста.

Явно не ограничивающийся лишь собственно иллюстративной по отношению к тексту романа функцией, рисунок, скорее всего, призван рассматриваться как конструктивный элемент текста, вносящий дополнительные, внетекстовые ассоциации, усиливающие заданную в романе трактовку образа главного героя. Так, «поэт умер» имеет прямое отношение как к образу самого Стеньки, так и к образу автора. Известно, что «поэт» Стенька Разин (поэтичность его природы особо акцентируется в первом варианте текста) — давно вынашиваемый автором прообраз поэта Василия Каменского (заметим, что инициалы «В.К.» помещены не за границами рисунка, а вписаны в небольшом «окошке», образуемом переплетением фигур).

В романе «Степан Разин» все намеки на поэтичность и песенность как доминантные черты главного героя «Стеньки Разина» смягчены. Это происходит, с одной стороны, за счет отсутствия в издании 1928 г. иллюстративного фона, романтизирующего его образ. Так, следующая за рисунком Каменского, изображающим летящую в небе птицу, фраза: «Улетел Степан» (45) позволяет прямо соотнести героя с образом, представленным на иллюстрации. С другой стороны, автор снимает расставленные прежде акценты, перерабатывая текст стилистически. Например, фрагмент «Стеньки», названный в «Степане» «Алена», заканчивается следующим образом: «Так рождалась песня. Так Алена стала женой гусяра Степана» (21). Ср. в «Степане Разине»: «Так рождалась любовь на золотом берегу. Так Алена стала женой Степана» [2]. В другом случае «Часто Степан уходил бродить один с гусями» (62) в «Степане Разине» (в главе «Думы вершинные») заменяется на «Часто Степан уходил бродить один с раздумьем — как быть...» (60). Не случайна в «Степане Разине» и акцентированная автором маркировка социального статуса героя: «Думно думал вольный казакский сын Степан» (8) вместо подчеркивающей лишь его возраст лексемы «парень»: «Думно думал вольный парень Степан» (8).

Как видим, сделанная автором стилистическая правка обусловлена прежде всего стремлением «вписать» героя в рамки социально востребованного мифа о народном заступнике, предводителе народного восстания. С этой целью Каменский убирает из текста «Степана Разина» практически все, что так или иначе

связано с религиозным началом, тогда как в романе 1915 г. мотивы молитвы, смирения и веры в Бога, призванные дать представление о разных сторонах русской души, имеют достаточно принципиальное значение. Не случайно прежде чем сделать свой выбор Степан отправляется «с гусями, да с думами своими, по российским дорогам, через Москву в обители Соловецкие к Зосиме и Савватию на поклонение»: «Так этому и быть».

Он поднял огромный камень и бросил в воду, донскую да заповедную.

И махнул Степан» (10).

В романе 1928 г. упоминание о Соловецком монастыре выглядело бы явно неуместно (к этому времени монастырь уже был превращен в лагерь особого назначения (1923 — 1939)), поэтому рассматриваемый фрагмент автор попросту исключает, трансформируя дальнейший текст главы «Жизнь звала» в соответствии с новым замыслом. Ключевые для «Стеньки Разина» мотивы кроткой молитвы, светлого смирения и молчания сменяются в «Степане Разине» более адекватными для революционной эстетики мотивами «мятущегося духа», «самотворной, самочудной, истой» жизни, «прытью трепетной», а также мотивами радости и разлива. Причем бросание огромного камня в воду сохранено, однако происходит оно при совершенно других обстоятельствах и служит другим целям: в первом случае свидетельствует о намерении героя отправиться в Соловецкий монастырь «на поклонение», во втором — о принятом решении сложить голову за дело великое без всяких раздумий.

Финальные строки «Стеньки Разина», не вошедшие в роман «Степан Разин», также акцентировали мотивы, не столь актуальные для создаваемого автором исторического романа, — мотивы песенности, детскости, прощания и прощения: «Детские глаза вытекли небом, детское сердце пролилось Волгой».

Песни остались.

Прощай, Степан. Прощай.

И прости» (194).

В финале «Степана Разина» остались лишь предшествующие процитированным строки: «С величественной гордостью принял Степан мученическую смерть и в самую последнюю минуту, перед отрубом головы, он зорко взглянул на солнце: может быть, снова увидел и Волгу, и Жигулевские горы» (142). Стилистика финальных строк явно определена стремлением создать образ народного героя-мученика, принявшего смерть «за дело великое».

Скорее всего, по этой же причине опущен целый ряд фрагментов, связанных с домом и детьми Степана — Соней и Георгием. Лирическое начало, пронизывающее в «Стеньке Разине» сцены встречи детей с отцом, прогулок по берегу Дона, способствовало раскрытию тех внутренних противоречий в характере «слезно плачущего» главного героя, которые, с точки зрения новой эстетики писателя, не столь актуальны в образе исторического персонажа.

Достаточно принципиальные преобразования коснулись не только заголовочно-финального комплекса, но и самой структуры романа. Заимствован-

ные из «Стеньки Разина» фрагменты — никак не названные и отделенные, как бы оторванные друг от друга визуально при помощи коротких пунктирных линий — трансформируются в «Степане Разине» в главы как таковые и получают свои названия, а также дополняются новыми главами, нацеленными на воссоздание эффекта исторического правдоподобия: «Вавила», «По дороге укатанной», «В думной царской палате», «И на утесе, на том...», «Предательство», «Бессмертие Степана».

Примечательно, что в многочисленных поэмах, посвященных Степану Разину (1914 — 1918, 1927 — 1928), Каменский также дает названия их частям: «Дрожат берега», «Свисти кистень», «И секут господа рабов», «Чугунное житье», «Сарынь на кичку!», «В персидском саду апельсиновом», «Камнем любовь залегла», «Вершинный завет», «Палачи стерегли», «Казнь Степана». Однако поэтика этих названий и тех, которые появляются в романе, различна. Названия глав романа выполняют, с одной стороны, композиционно организующую или хронотопическую функцию, маркируя либо место происходящих событий («На Дон, по дороге сиротской», «На Волге», «В горах Жигулевских», «Симбирский путь», «Знатный город Астрахань», «В Персии», «По дороге укатанной», «В думной царской палате», «И на утесе, на том...»), либо имя центрального героя главы («Алена», «Атаман Сермяжников», «Вавила», «Хайнуллин»). С другой, — функцию сюжетоорганизующую, фиксируя своеобразную смысловую формулу рассказываемой истории: «Жизнь звала», «А было так», «Считали бедноту за скотов», «Прощание», «На парусах», «Думы вершинные», «Чугунное житье», «Гроза ночная», «Встречали отца родного», «Гибель персианки», «Ожидание Алены», «Не жена», «В душу змей вполз», «Предательство», «Бессмертие Степана». Названия же частей поэмы в большей степени нацелены на проявление ее лирического, песенного начала. Озаглавливает Каменский и отдельные лирические фрагменты «Стеньки Разина», включая их в поэтический сборник 1917 г. «Девушки босиком» [3]: «Персия. (Гаремная из романа «Стенька Разин»)», «На встрече Камы — Волги. (Из романа «Стенька Разин»)», «Чугунное житье. (Из романа «Стенька Разин»)», «Сарынь на кичку. (Из романа «Стенька Разин»)», «Зачураание. (Из романа «Стенька Разин»)».

Расположение отдельных фрагментов «Стеньки Разина», фиксирующих собственно сюжетный, событийный ряд, также подвергается «перемонтированию». Например, глава «Симбирский путь», изображающая взятие войском Разина Симбирска и расположенная в первом варианте романа практически в финале — после описания похода в Персию (что соответствует исторической хронологии), в «Степане Разине» предшествует ему. Верящего в чудесное спасение народа Стеньку («Чудо живет на Русской земле. Чудо спасет» (66)) сменяет герой, активно действующий со своей вольницей уже в начале романа: «— Прочь с дороги, раздумье! Прочь! Ой, да что это с моей головой! К лицу ли атаману, гольтьбой нерушимо поставленному, по распутьям бродить? Прочь! время не терпит, время зовет. Слышу, чую. Шире,

душа, распахнись! Раззудись плечо! А ну, ударь, — эх, ударь, да ударь кистенем по Симбирску!» (62).

В переработанном романе Каменский оставляет лишь подкрепленные легендарными «фактами» и идейно значимые эпизоды и стихотворные тексты (песни): освободительные походы, гибель персиянки, казнь Степана Разина. При этом появление той или иной сцены или песни зачастую обуславливается в тексте своеобразной авторской ремаркой, например, в главе «А было так»: «Видно полегло, когда затянул Степан:

Времячко настало дивное —
Дивные вершить дела.
Лейся песня переливная.
Закуси, конь, удила.
<...>

А до поры до времени вернулись осиротелые братья Разины домой, на Дон, на ожиданье» (30). В «Стеньке Разине», основанном на своеобразном «монтажном» чередовании собственно сюжетных фрагментов, лирических отступлений и стихотворных текстов, введение последних в прозаический текст практически никогда ничем не предупреждается. Отсутствует здесь и приведенная выше финальная фраза главы, выполняющая в «Степане Разине» функцию повествовательной связки, необходимость которой во многом продиктована жанровыми установками романа историко-беллетристического типа.

Как видим, перерабатывая текст романа — его заголовочно-финальный комплекс, композицию, стилистику, — Каменский расставляет принципиально иные смысловые акценты. Трансформируется не только образ главного героя — прежний вольный парень, гусяр Стенька выступает теперь как народный герой, «казацкий сын» Степан Разин, но и пафос романа. Индивидуальное и личное, тоска и разгул уступают место общему и исторически обусловленному, категориям, заданным как эстетикой историко-беллетристического романа 20-х годов, так и советской идеологией, во многом и определившей характер этой эстетики, о чем справедливо писал Б.Дубин: «...конструирование всей области исторического, группировка событийного материала, истолкование мотивов поведения исторических лиц едва ли не целиком определяются характером власти в тот или иной период советской эпохи» [4].

Вместе с тем говорить о романе «Степан Разин» как о романе историческом в рамках тех кано-

нов, которые начинают складываться на тот момент в советской литературе, не приходится. Думается, текст «Стеньки Разина» заимирован Каменским под роман историко-беллетристического жанра и переписан, если так можно выразиться, «с оглядкой» на вышедший в 1926-1927 гг. отдельным изданием роман А.Чапыгина «Разин Степан». Делая ключевой фигурой «романа исторического» (именно такой жанровый подзаголовок дает Чапыгин своему произведению) Степана Разина, писатель утверждает очередной, социально оправданный миф о подлинном народном герое и заступнике. Таковы особенности советской исторической прозы: «На начальном этапе прошлое понимается исключительно в качестве проекции произошедшего революционного переворота, что и предопределяет отбор ключевых точек, исторических героев. Соответственно, в истории актуализируются именно те фигуры, которые, во-первых, подвергают это прошлое жесточайшей критике и даже радикальному отрицанию, а во-вторых, трактуются как “близкие к народу”, “пролетариату”...» [5]. На этом фоне обращение Каменского-футуриста к поэтике историко-беллетристического романа явилось попыткой (правда, не очень удачной) вписать открыто личностный, всецело оправданный эстетикой футуризма текст «Стеньки Разина» в новое литературное пространство советской эпохи.

Исследование осуществлено в рамках программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)». Мероприятие 2 «Проведение фундаментальных исследований в области естественных, технических и гуманитарных наук. Научно-методическое обеспечение развития инфраструктуры вузовской науки». Регистрационный номер 2.1.3/4109. «Проект «Забывтое и второстепенное в жанре романа XVIII — XX вв.».

1. Каменский В. Стенька Разин // Каменский В.В. Сочинения. Репринтное воспроизведение изданий 1914, 1916, 1918 гг. с прил. М.: Книга. 1990. С.3. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.
2. Каменский В. Степан Разин // Каменский В.В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Кафе поэтов. М.: Правда, 1991. С.27. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте курсивом.
3. Каменский В. Девушки босиком. Стихи. [Тифлис, изд. автора] 1917. 144 с.
4. Дубин Б. // Знамя. 2002. №4. С.203.
5. Там же.